

В 1762 г. появился его перевод книги Ж. Б.-М. Бельгарда «Истинной христианин и честной человек» (1762) с посвящением Петру III. Переводчик упоминал, что он еще в 1743 г. именно Петру Федоровичу «манускрипт» этой книги «со глубочайшим респектом поднести высокую честь имел». Не упоминая о Елизавете Петровне, не говоря уже о других государях послепетровского времени, Волчков подчеркивал преемственность, непосредственно связывающую правление деда и внука: «Который бессмертный бог с Петром Первым был, тот же ныне и со внуком его Петром Третьим есть и вечно будет».²³ Однако в пространном тексте этого посвящения уже не находится места для традиционного прославления «дел Петровых». Всячески превознося такие добродетели нового государя, как благочестие, великодушие и кротость, переводчик обращает внимание на соответствие посвящения содержанию книги: «Где нам, Августейший Император, истиннейшего христианина и честнейшего по свету мужа найти, как не в едином Вашего Императорского Величества христианнейшем сердце?»²⁴ Самые же восторженные слова Волчков находит для выражения благодарности Петру III за его указ о вольности дворянства: «С нас довольно, Всемилостивейший государь, того чудного примера высокой мудрости и бесприкладного великодушия, что Ваше Величество любезному и верноподданнейшему своему дворянству ту дражайшую свободу даровать благоволили, которую оно от начала России не имело. Хотя б благородное и честнейшее российское шляхетство не только золотую, но ежели б и бриллиантовую статуу Вашего Императорского Величества на жемчужном подножии в бессмертный знак приснодолжнейшей своей благодарности поставило; однако не умирающая память в сердцах переменяющихся родов российского дворянства более и крепче всех статуй пребудет».²⁵

Поскольку Петр Федорович уже при Елизавете Петровне официально назывался наследником престола, вполне закономерно, что еще в 1740-е гг. ему делались литературные дедикации как «истинной отрасли Петрова священнейшего семени», по выражению Ломоносова в посвящении «Краткого руководства к риторике» (1744). Эта формула позволяла обратиться к будущему государю с должным пиететом и вместе с тем освобождала от необходимости конкретизировать похвалы. Как и в одах, Ломоносов использовал панегирический жанр прежде всего для развития своей излюбленной темы науки. Упоминание о том, что великий князь в знаниях «охотно упражняться изволит», нужно было для

²³ *Бельгард Ж. Б.-М.* Истинной христианин и честной человек. (СПб.), 1762. С. 8 нenum.

²⁴ Там же. С. 5 нenum.

²⁵ Там же. С. 7 нenum.